НАША ПРАВДА
В который раз из нас творят врага
За то, что наша правда высока
И широко Отечество не в меру,
Что руку мы подняли на Бандеру.

Грозят и воют – нас не запугать.
Знаком их лай,
знаком звериный норов…
Нам этот мир спасать не привыкать
То от былых,
то нынешних монголов.

Мы знаем их. Они – не знают нас:
Какие сны нам сладостные снятся,
Кто нас хранит и в прошлом, и сейчас.
Не знают нас – и потому боятся.

Они клянут и Сталина, и Крым,
И русский снег, и правильную веру…

СВОЯ ПУЛЯ
Своя пуля уймёт и утишит,
Своя пуля убьёт – не моргнёт.
Своей пули никто не услышит,
Своей пули никто не спугнёт.

Ветер спелые травы шатает,
Ветер сны навевает, шумя.
Где меня моя смерть поджидает –
Только ведает пуля моя.

Мне молитву под шапку зашила
На прощанье родимая мать.
Пуля-дура мне шапку пробила –
Ведь она не умеет читать.

И вдруг сделался ярче и ближе
Надо мною синеющий свод…
Своей пули никто не услышит,
Своей пули никто не спугнёт.

Снег идёт. И вдруг – обрыв…
Тишину разрушил взрыв:
И летит в глаза густой
Снег с промёрзшею землёй.

Крот раздавлен, Крот продрог,
До корней волос промок,
И коричневую грязь
Обнимает, матерясь…

Слава Богу, жив и цел –
Скоро кончился обстрел.
Смерть солдата не берёт
С позывным прикольным Крот.

Связь с Кротом
не прервалась –
Цифровая нынче связь:
«Очень надо, слышишь, Крот,
Уничтожить чёртов дот…».

Александр АНАНИЧЕВ

Мир без тебя не устоит

Жалеем их.
И, может быть, простим.
Мы их простим,
когда добьём Бандеру.

РУССКОМУ СОЛДАТУ
Планета плавает в закате,
Кровавят все её углы…
Терпи, родной, держись, солдатик,
От дыма чёрный и золы.

И снег горяч, и брат – предатель,
И воронья густой галдёж…
Терпи, родной, держись, солдатик,
Где правда видящий, где ложь.

В своей Твери иль Волгограде
Не ведал злобы мировой…
Терпи, родной, держись, солдатик,
Победа будет за тобой.

В огне, в окопе, в медсанбате,
За все грехи земли распят,
Терпи, родной, держись, солдатик,
Великий русский наш солдат!

С дитём спасённым, Бога ради,
Не торопись врастать в гранит…
Терпи, родной,
держись, солдатик,
Мир без тебя не устоит.

ХЕРСОН
Помнишь, Сань, хотели мы в Херсон
В бархатный отправиться сезон?..
Вот – Херсон, но, как в хреновом сне,
Мы с тобой в Херсоне на войне.

Воли видев вдоволь, по Днепру
Волны вниз, раскованные, прут;
Вместо лодок давешних и струг
Горы горя тянутся на юг.

Там, где солнце падает в степях,
Ворожит, ворочается враг;
Брат Мыкола с вечера чудит –
По Херсону «хаймарсом» палит.

Сумерки, потёмки на земле.
Князь Потёмкин мается во мгле,
Князь Суворов оком не ведёт,
В наш не веря нынешний отход…

Всякий, посягнувший на Херсон,
Сном смертельным будет опалён,
Потому что – правильно! – за ним
Только море, только русский Крым.

КРОТ
Спит на дне окопа Крот.
Спит, а снег вокруг идёт:
И не слышно ничего,
Кроме снега одного.

В этой нынешней войне –
Как в компьютерной игре,
Можно целью стать любой,
Не вступая в ближний бой.

Но судьбой храним солдат,
«Ватник, орка, колорад…»
Вновь врагу не угодил –
Крот дополз,
взорвал, убил!

А потом в нору опять –
Жахнуть водки,
рухнуть спать…
До рассвета, до весны –
Замереть и видеть сны.

КРИТИКУ
Друг сердечный,
начитанный, лучший,
Объясни, наконец, поскорей,
Отчего это Бродский и Кушнер
Овладели изнанкой твоей?

Литераторы, книжные черви,
Не едавшие мяса с ножа,
Пишут – словно чертёжники чертят,
Хладнокровно, умно, не спеша.

Террористы,
взрыватели речи,
Многословием лупят под дых,
И у каждого будто подсвечен
Электрической лампочкой стих.

Пусть от них нынче некуда деться,
Отпылит их пора, отгорит,
Потому что у русского сердца
Всё иное – и отзвук, и ритм.

Разве им, трюкачам, полиглотам,
С нами быть и в бою, и в тоске…
Говорите с великим народом
На великом его языке!

За поэтов «хороших и разных»
Я хотел бы, мой друг, пригубить…
Но твоих мастеров первоклассных
Хорошо бы прочесть и забыть.

ПЕРВОЦВЕТ
Весной на яблоне-дичке
Пух белоснежный пробудился.
Но на отпиленном сучке
Цветок всех раньше распустился.

Набух, раскрылся, осмелел
Под голубыми небесами
И вдохновенно забелел
Пятью своими лепестками.

Уже к нему летит пчела
На запах с пасеки окрестной.
Ещё листва вокруг цела,
Обрубок радуя древесный.

Так ждёт он солнца поутру,
Так хорошо ему на ветке!
Целует ветхую кору,
Как мать свою целуют детки.

А по соседству, во дворе,
Костёр и пляшет, и играет…
Но он не знает о костре,
Он ничего ещё не знает.

И ненависти к русскому. Брат мой!
Лишь не было бы осознанье поздним
Неотвратимости, приходом грозным
Погибели страны твоей родной.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ
С окраины заводской,
где народ обитает простой,
С улицы, что полицейские
числят отчаянной и хулиганской,
Тамошние ребята добровольно
с нацистами вышли на бой,
Русская Армия всегда была
и остаётся Рабоче-Крестьянской.

А тот, кто разжился бронью
от армии прочною, как гранит,
Кто запрятал деньги
под лондонский Тауэр
или под башней Пизанской,
Ёрничая, таким же, как он,

Павел РЫКОВ

Конь дымногривый

ГЛАВНОЕ СЛОВО
С раскатом громовым орудий
Мы слово *Родина* вновь обрели
Меж рёвов взрывов.
Она – не часть земли,
Не территория, но Русская Земля.
И закрывают грудью
Её, кто кровь готов свою пролить
За волжский плёс,
за палисадник с мальвой,
За плечи матери, укутанные шалью,
За веру в Бога, без которой нам не жить.

* * *
Вот и явились морозы.
Ты их, конечно, не ждал.
Верил: пустые угрозы!
Ты им ничуть не внимал:

Худшее не состоится,
Нас обойдёт стороной…
Мерзлое солнце садится,
Смертный объемлет покой.

И над вершинами сосен
Звёзды начнут хоровод…
Друг мой, мы Бога попросим
Нас уберечь от невзгод.

Но календарные сроки
Это, поверь мне, всерьёз…
В небе вечернем сороки
Застрекотали: *мороз!*

ВЫБОР
Есть ли выбор у нас?
Или, быть может, смириться?
Русскую речь позабыть? И по аглицки
Заподсюсюкать пред теми,
кто Россию задумал рассечь?
Всё забыть. Даже квас
именовать впредь Рашен Woditца?
И покорно внимать,
чему научает старушка-певица
Или муж её беглый, призывающий лечь
Покорней покорного,
слушая как какой-нибудь педераст,
Проповедующий сладость
любви европейским манером,
Требует оставить
им на растерзанье Донбасс.
Не Господу верить,
но либеральным химерам.
И продать, и предать
память о бойцах, командирах,
Что гибли не за ради
крестов на мундирах.
Но за Русскую Землю! За нас!

КАК В СОРОК ПЕРВОМ…
Мобилизация…
Ознобом нервным,
Как Сорок Первом, брат!
Как в Сорок Первом.

Не построения и не маневры…
Как в Сорок Первом, брат!
Как в Сорок Первом…

По Красной Площади ступая мерно,
Как в Сорок Первом, брат!
Как в Сорок Первом…

В Россию веруем! Нет крепче веры,
Как в Сорок Первом, брат!
Как в Сорок Первом…

КОНЬ ДЫМНОГРИВЫЙ
Из огня да в полымя, да опять в огонь
Поскакал да по небу дымногривый конь.

Норовит копытами угодить в висок,
Уложить убитого во сырой песок.

Ожигает коника плетью коногон.
Грива в небе стелется. Над землёю стон.

Пламена взвиваются – не залить слезой.
Не помогут возгласы: «Боже! Боже мой!».

Только палы встречные укротят огонь.
Лишь тогда стреножится
дымногривый конь.

НА СМЕРТЬ СВЯЩЕННИКА
Батюшка в камуфляже,
Он, бойцов причащавший
Христовыми Кровью и Телом,
Вдруг, израненный, ляжет
На землю России, и кровь его заструит.
И её, словно святою водой, окропит.
И это служение – *словом и делом*
Заповеди: «Жизнь положить
за други своя».
А те, кого окормлял,
слёз не скрывая, над телом его стоят.
А «Грады» в посадке,
как на клиросе, молитву ему поют.
А газы пороховые, будто ладан
над телом его, что кровит.
Так священники православные
русские жизнь свою отдают,
Расчищая место на свете светлой Любви.

ТОТ, КОТОРЫЙ…
Он говорит – не разбери-пойми.
Так горячо, с душою нараспашку.
Поверишь запросто; свою рубашку,
Кусок последний – на, хватай, возьми!

Но вслушайся: и ты поймёшь, что он
Не о свободе речь свою заводит.
Он в хороводе странном хороводит,
Который не в России заведён.

И кус последний – он из рук чужих.
Сперва он сладок, только послевкусье
В задёшево подаренном укусе
Удушье вызовет. В нём столько лжи.

друганам-беглецам-подлецам говорит:
– Я??? За Россию??? Ха!
Я же не из рабоче-крестьянской!

А в Салавате башкирском,
чеченском селении Ведено,
В бурятском сомоне, якутском улусе,
райцентре удмуртском
По сортирам не прячутся.
Такое там отроду не заведено.
Там идут в Рабоче-Крестьянскую,
где команды произносят на русском.

Да! Такую Армию
никогда никому не одолеть!
Не вышло у гитлеровских фон-баронов,
не выйдет у американских,
Тем более, у баранов бандеровских,
толкаемых на верную смерть.
Потому, что Русская Армия состоит
из Сынов Рабоче-Крестьянских.

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ
Время вышло. Исчерпаны списки.
Катафалки на скором ходу.
В строй – один за другим – обелиски
С чёрной датой в текущем году.

В доме пусто. Да где же вы, деды?!
Сквозь следы прорастает трава…
И уже не поёт про Победу
Обамериканенная пацанва.

А иные – с ухмылкой, спесиво
(А вчера не посмели б посметь)
Скажут, сплюнув: «Да ты же бессильна,
Русь. Пришёл тебе срок околеть

Под забором, на рваной рогоже,
В пьяный сон, словно в омут, упав».
И глядят, скочевряживши рожи
И от смеха живот надорвав.

Но однажды заблещут зарницы
И повестки пришлёт военком –
Стародавний мотив возродится
В мерном шаге армейских колонн.

– Левой, левой! Рука на отмашку!
Подтянись! Запевала – вперед!
Песня, словно подъятая шашка,
Пред колонной на солнце блеснёт,

Грянет грозно в распеве былинном.
Песне в такт просверкают штыки…
Так гремела она над Берлином,
Так в Париж заходили полки.

Видно, есть вековечное что-то,
В сердце нашем такая струна:
Запевает на марше пехота,
И подхватит в припеве страна.

С песней этою, кто нас осилит,
Если Армии вторит народ?
В этой песне – надежда России.
Будем петь, не забудем её!

* * *
Когда ушёл последний ветеран –
Сосед-солдат, ушёл от старых ран,
От груза дней, что людям спины гнут.
Когда порой вослед ему плюют
Те, кто военных спрятались страстей
В затишки заташкентских волостей,
И выпестовали – о, успешный труд –
Детей – плевателей,
насмешников, иуд,
Что Победителей – о чём тут говорить –
Изволят раз в году благодарить,
И то – сквозь зубы, будто в полплевка…

А Он ушел. Дорога далека
Туда-туда, в тот день. Он так далёк,
В сырой окоп. Там с пшёнкой котелок
И пять минут, чтобы кашу доскрести,
И по раскисшей пашне в бой идти.

Вот Он ушёл. А там и мы уйдём
И в тот окоп, быть может, попадём.
Там встретит нас вопросами сосед:
«Скажи: Мы победили или нет?
Скажи: опять стреляют в спину нам?
Страна жива? Иль по лихим волнам
Плывут обломки и мутна вода?».
Как на вопрос ответим мы тогда?

Перед Всевышним не дано смолчать…
Как мы Солдату будем отвечать?

ОГОНЬ
Не тот огонь, что пахнет шашлыком,
Да и не тот, что золото расплавит:
Остыв, червонцем зазвенит потом,
Иль безделушкой даму позабавит.

Но тот огонь, что Бог в душе возжёг,
Он злую тьму неверья разгоняет.
Пусть трепетен сначала огонёк;
Огонь иль Тьма – иного не бывает.

Ладонью огонёк оборони,
Не дай угаснуть на ветру сомненья.
А пламя это крепче всей брони
Тебя спасёт в терзаньях и боренье.

Огонь! Огонь! Я о тебе молюсь!
Спаси меня! Спаси Святую Русь!

ЖЕЛАННОЕ
Россия и Любовь!
Что может быть желанней
Родной земли, дарованной нам свыше?
Трав во лугах – не отыскать медвяней.
И радуги над деревенской крышей.
Да бликов солнечных на куполах
С молитвой восстановленного храма.
Да света радости в сияющих очах
Ребёнка, что впервые молвил: *мама*.
Россия и Любовь!

Виктор ВЕСЕЛОВ

С ладони ласковой листа...

ПУРГА
Твоя обида, что пурга,
И на меня взирает грозно.
Как стало все вокруг морозно,
И день, и ночь идут снега.

Я повинюсь, а ты прости.
Мне холода поднадоели,
И эти хмурые метели
Улыбкой вешней прогони…

РЯДОМ
Не мне тебя благословлять,
Возненавидеть срочно надо.
Вручить тебе билет до Ада
И мук кромешных пожелать.

И на вокзал не приходить,
И не махать вослед рукою.
А может, я того и стою,
Чтобы такую вот любить?

Придётся, видно, крест нести,
Юдоли-боли забывая.
Возьму билета два до Рая.
Ведь это рядом, по пути.

КРАЕШЕК
Стоишь на краешке земли,
На самом дальнем и опасном,
И где тебе предельно ясно,
Что ничего нет впереди.

А позади дымы, ветра
И скользкий скат земного шара.
– Чего стоишь? Идти пора.
– А мне, мой друг,
не сделать шага…

ПРОИСШЕСТВИЕ
Приключилось со мной
происшествие:
Посредине прохладного дня
На меня снизошла
сумасшедшая
И хмельная стихия огня.

Словно рядом у ласковой пристани,
Над волной кареглазой и вдруг,
Вспыхнул пламень красивый, неистовый,
Все губя и сжигая вокруг.

И корабль мой горит зачарованно,
Колдовскому внимая огню,
Да и мне, знать,
погибнуть даровано,
Поклонившись за участь свою.
Ветерок над рекой не шелохнется,
Пристань странно,
спокойно глядит.
Скоро мачта на палубу грохнется
И со мною в объятьях сгорит.

Впрочем, может, стихия и сжалится.
Погуляла, пора отдохнуть,
А корабль невредимым останется
И продолжит назначенный путь.
Пусть поют, улыбаются, спорят,
Набегают волна за волной
И не раз непрохладно напомнят,
Что случилось однажды со мной.

НЕБЕСА
Отгоревала иволга над речкой,
Отколдовали в роще соловьи.
Ведут уже неторопливо речи,
Плывут прощально в небе журавли.

О чем они курлычут днем и ночью,
Равняя клин, меняя голоса,
Душа твоя узнать о том захочет.
Уйдет она, час минет, в небеса…

ДОЖДИ
Опять стучат дожди в окно,
О том о сём со мной толкуют,
Льют слёзы тихие, тоскуют
И улыбаются светло.

От них так просто не уйти,
Целуют влажными губами,
Лопочут белыми стихами
И просят рифмы им найти.

Я подбираю не спеша
Словам их ласковым созвучья.
Окно своё на всякий случай
Не закрываю до утра.

НА РАСПУТЬЕ
На распутье меж веками
Наобум, на скорый глаз
Мы самих себя искали
И теряли много раз.

И опять на перекрестке
Морщим лоб: куда идти?
Ветер рыжий, злой и хлесткий
Вновь сбивает нас с пути…

НЕВЕДОМО
За дальней далью, за чертой,
Немой, холодной, неоконной,
Мы, может, встретимся с тобой,
Другой уже, не столь знакомой.

О чём там будем говорить
В неведомом пока пространстве,
Былое вряд ли повторить,
И надо ли о том стараться…

НЕЙМЁТСЯ
Память сердца гордого не мучай,
Не зови во снах на рандеву.
Даже если подвернется случай,
Я на встречу с прошлым не приду.

Нам теперь с тобою не споется,
Ни к чему друг друга упрекать.
Что тебе недобро так неймётся
О былом некстати вспоминать…

СНЕГ ЛЬДИСТЫЙ
Повадилась к тебе ходить,
Когда ей в голову взбредёт.
Придет безмолвная, прильнёт
И греться станет на груди.

Как льдина, тает, холодит.
Шлет неприятные минуты,
Тоску чинит и неуюты.
Застонет сердце, заболит.

Чего является, как грех,
Ты, может, знал её когда-то.
Захочешь вспомнить виновато,
Но видишь только льдистый снег.

Натешится, уйдет довольна,
Обмолвится потом она:
– Ужели б я к тебе пришла,
Когда бы ни было так больно…

КОНИ
Всё впереди у нас, всё впереди,
Гони в галоп коней своих, гони.
Как поцелуй горячий будет путь,
Песок и пуля ласковая в грудь.
И тайный брод у яростной реки,
Где лебедь белый кормится с руки,
Метель и снег, осенний листопад,
Да летний зной, хмельной весенний сад,
И алый след, и вкрадчивый клинок,
И чёрный ворон сядет на висок,
Глазницы стылые у вырытых могил…

Но кто-то вдруг коней остановил
И говорит: «У вас всё позади,
Спит пуля, захмелевшая в груди,
Растаял след, клинок лежит в песках
Да серебро застыло на висках.
Река уже как маленький ручей,
И ни пера от белых лебедей,
И под топор пошёл зимою сад,
Лишь ветер шалый бродит наугад.
Травой сухой могилы заросли,
Куда вас сдуру кони занесли»…

…Стоим, молчим, белым-бело кругом,
Неужто всё у нас с тобой в былом…

ФИАЛКА
В моём саду цветёт фиалка,
Росы хмельной испив с утра,
Смугла, как юная татарка
Или персидская княжна.

Откуда здесь она приснилась,
Не сеял я, не звал. Вопрос.
Быть может, ветер тёмно-синий
Златое семечко принёс.

Привет, заблудшая принцесса,
Расти, цвети и здравствуй здесь.
Признаюсь, я и сам повеса,
И в сад чужой не прочь залезть.

КРАСОТА
Входите в царство красоты,
Где правят гордые страницы,
И не забудьте поклониться
Строкам, похожим на цветы.

Царит волшебный аромат,
Певучесть слов, сиянье мысли.
Здесь тайный хлад небесной выси
И страсти пламень, и азарт.

С ладони ласковой листа
Взмахнёт крылами вдохновенье.
Нас колдовством преображенья
Не раз спасала красота.

Всё будет ладно со страной.
Хотя кругом немало мрака,
Но есть поэзия однако.
Она созвучна с красотой.

КОЛОКОЛА
Малиновый пасхальный звон,
Ко-ло-ко-ла зво-нят в Рос-си-и.
Со всех сто-рон, со всех сто-рон
Величье музыки и сини.

Над куполами облака
И небеса над облаками.
Звонят, звонят колокола
Через века и над веками.

Над тем, что было, есть сейчас,
Над тем, что, может быть, случится.
Ты вспомни, Господи, о нас
И дай России возродиться.

г.Кострома

Я устала барашков считать на зелёном лугу

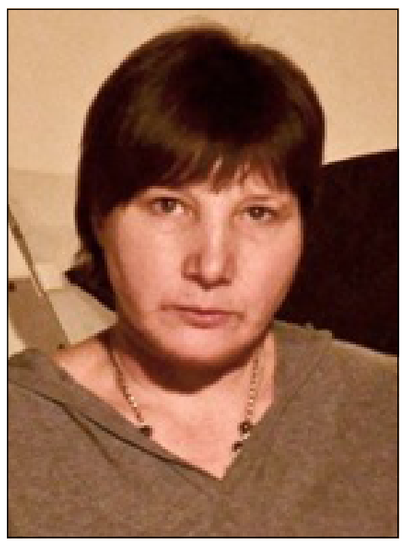
Алина КУЗНЕЦОВА

* * *
Я устала барашков
считать на зелёном лугу,
я на тёмную лампу
взираю с мечтою о сне.
Тяжкораненным зверем
диван привалился к стене.
Артиллерия сына
на полке застыла в углу.
Полководец уснул –
завтра снова вести батальон,
только мне всё неймётся –
в боку начинает колоть…
Все химеры войны
обрели свою сущность и плоть
и на Т-90 внезапно ворвались в мой сон.
На площадных туманах
клубясь, закаляясь огнём,
проникает с экрана
в мой мозг суггестивное зло,
набирается гнева и похоти, ярости слов,
будит рокотом танков за мирным окном,
что идут на ученья размеренно в ряд.
Чёткий строй их
не дарит спокойствия мне:
агнец, лев или волк –
все равны на войне –
просто мальчики чьи-то под дулом стоят.
…Что там, в будущем, сын?
Только стрелки во мгле,
циферблат обегая, о главном молчат.
Я сегодня устала
считать этих глупых ягнят!
Обагрённые кровью,
они приникают к земле…

* * *
– Мама, ты слышишь шаги? –
раздастся средь сумрачных комнат.
– Да Бог с тобой, засыпай, –
встревоженной женщины шёпот.
Из форточки галочий грай,
на стенке от лампы круги.

– Мама, я видел его:
он добрый, забавный и тихий
с большим разноцветным зонтом…
Вчера приходила врачиха
и цокала всё языком

над спящим.
Скорей б рассвело…
Не спится, и мальчик спокойней
под утро. Заброшенный дом
дичает. Забыт на балконе
с античными мифами том.

– Мама, он завтра придёт!
Ночи, бессонные ночи…
Мальчик про дальние страны
бредит, о чём-то бормочет,
взгляд лихорадочный, странный.

…Минет и месяц, и год…
Вот без слезинки и вздоха
женщина дом обойдёт:
сыро, под старым зонтом
кукла… Весны суматоха,
галки орут за окном…